

Первые дни жизни моей въ Христіанствѣ. *

(Изъ записокъ Миссіонера-Свщеника, обращеннаго изъ евреевъ.)

Какъ пробужденный послѣ глубокаго и продолжительнаго сна дѣйствуетъ нѣкоторое время безсознательно, самъ не понимая ни значенія, ни цѣли своихъ дѣйствій, пока не приходятъ въ себя его душевныя силы: такъ точно случилось и со мною по пробужденіи моемъ изъ мрачнаго сна заблужденія Іудейскаго и просвѣщеніи меня свѣтомъ Христовымъ. Все происходившее со мною въ день св. крещенія моего и послѣ него, въ церкви и внѣ оной, представлялось мнѣ тогда въ какомъ-то неясномъ видѣ; я былъ тогда какъ будто внѣ себя, такъ что всѣ теперешнія воспоминанія мои о тогдашнемъ времени какъ-то смутны, неопредѣленны, какъ будто все тогда происходило со мною во снѣ. Одно только то ясно припоминаю себѣ, что когда я первый разъ вступилъ въ св. храмъ для оглашенія, то при обзорѣннѣ расположенія храма и алтаря рисовались въ воображеніи моемъ Скинія свидѣнія Мойсеева и храмъ Соломоновъ. Не смотря на тщательное предназначеніе мое слѣдить за внутренними движеніями души своей во время совершенія надо мною въ первый разъ Св. Таинствъ,—что внушено было мнѣ моимъ крестнымъ отцемъ, священникомъ В. К., я никакъ немогу понять, какимъ образомъ все происходившее тогда со мною

* Эта статья служитъ продолженіемъ напечатанной въ 6 и 7 ММ Епархіальныхъ Вѣдомостей подъ заглавіемъ «Мое обращеніе въ Христіанство.»

ускользнуло отъ моего вниманія. Впрочемъ, припоминая себѣ это, я однакоже успокоиваюсь тою мыслію, что такъ, а не иначе, оно и быть должно: ибо Крещеніе есть духовное рожденіе, а рожденіе естественно совершается безсознательно со стороны раждающагося. Также и цѣлый день послѣ крещенія моего, который я провелъ въ домѣ крестнаго отца своего въ бесѣдахъ съ нимъ о новой моей жизни и о возлагаемыхъ на меня новыхъ обязанностяхъ, я тоже былъ внѣ себя. И только вечеромъ того дня, пришедши изъ церкви послѣ вечерни домой, на обыкновенную квартиру свою, я пришелъ въ себя и началъ припоминать все случившееся со мною въ тотъ день. Первымъ дѣломъ моимъ было, по входѣ въ домъ своихъ хозяевъ — ознаменовать себя трижды крестнымъ знаменіемъ, по обычаю русскихъ христіанъ. Нужнымъ считаю замѣтить, какое впечатлѣніе произвелъ на моихъ хозяевъ этотъ неожиданный для нихъ поступокъ мой. Хозяева мои принадлежали къ сектѣ закоснѣлыхъ раскольниковъ. Они вовсе не знали о намѣреніи моемъ сдѣлаться христіаниномъ * и

* Скрывалъ я отъ хозяевъ свое приготовленіе къ св. Крещенію по двумъ причинамъ: во первыхъ, имѣвъ неоднократно съ ними споры о религіи и одержавши побѣду надъ ихъ невѣжествомъ относительно вѣры христіанской, я какъ-то совѣстился обнаружить предъ ними расположенность свою къ хулимоу мною прежде Вѣрѣ;—во вторыхъ, хозяева мои, какъ закоренѣлые раскольники, неоднократно и сами высказывались не выгодно о православной Вѣрѣ что мнѣ, какъ не имѣвшему еще ни какого понятія объ русскихъ раскольникахъ, даже пріятно было слышать, такъ какъ я относилъ богомерзскія хулы ихъ вообще ко всему христіанству; теперь же, задумавъ обратиться въ Православную Вѣру, я боялся, чтобы они своими разговорами не поколебали моей рѣшимости и не отвратили меня отъ дознанной мною истинности христіанской вѣры.

разумѣется были поражены, вдругъ увидѣвши меня знаменующимся св. крестомъ. Узнавъ изъ разсказа моего, что я уже не врагъ Христовъ, а вѣрный поклонникъ Его, они бросились обнимать и цѣловать меня, тотчасъ раскрыли свою застеклянную божницу, зажгли лампаду и накурили комнату ладономъ; за тѣмъ начали меня учить, какъ должно по христіански Богу молиться, при чемъ грамотный сынъ ихъ раскрылъ писанную по славянски псалтырь, и, указавъ мнѣ нарисованный образецъ двухперстнаго креста, прочиталъ мнѣ правила употребленія его. Между тѣмъ хозяйка дома устала столъ разными яствами, посадили меня съ собою и угощали очень радушно, такъ что я этимъ усердіемъ былъ разстроганъ до слезъ. По окончаніи стола меня опять учили по ихнему молиться, дали мнѣ четки (лѣстовку) въ лѣвую руку и положили предо мною ситцевую подушечку для поклоновъ; а грамотный сынъ ихъ началъ читать молитвы на сонъ грядущимъ. Не зная совершенно ни сущности, ни значенія русскаго раскола, я принималъ всякое внушеніе ихъ за истину и благодарилъ ихъ за такое усердіе ко мнѣ. Увы! на долго, быть можетъ, я остался бы въ раскольниковомъ заблужденіи, если бы Провидѣніе не предназначило мнѣ въ воспріимнаго отца священника.

Но какъ ни былъ утѣшителенъ для меня такой радужный пріемъ хозяевъ, я все таки еще не сознавалъ возобновленія души своей чрезъ св. Крещеніе. Когда же я раздѣлся и легъ на постелѣ, вдругъ блеснулъ въ глаза мои надѣтый на меня при крещеніи мой крестикъ. О Боже! едва ли во всѣ прожитые мною

до того годы проливалъ я столько слезъ умиленія, сколько катилось ихъ изъ глазъ моихъ при этомъ случаѣ! Какъ живо представилось въ умѣ моемъ то время, когда этотъ крестъ неоднократно былъ мною и оплеванъ и потоптанъ ногами, когда я и тайно и явно изрыгалъ разныя богомерзскія хулы на Распятаго; а теперь крестъ этотъ—на мнѣ и служить для меня предметомъ вѣры, жизни и спасенія! Откуда же явилась во мнѣ такая рѣшительная перемѣна?—спрашивалъ я самъ себя. И вотъ когда я былъ такъ растроганъ, мнѣ показалось какъ будто какой-то голосъ читаетъ мнѣ слова Пророка Захаріи: *и воззрятъ Нань, Ею же прободоша: и восплачутся о Немъ плаканіемъ, яко о возлюбленномъ, и поболятъ о Немъ болѣзнію, яко о Первенцѣ* (Захар. 12, 10.)

На другой день, помолившись утромъ опять подъ руководствомъ своихъ хозяевъ, я отправился въ классъ для обычныхъ своихъ занятій. Въ классъ же я не преминулъ видѣться съ своими товарищами, принявшими со мною вмѣстѣ св. крещеніе, которые между прочимъ сообщили мнѣ извѣстіе о томъ, какіе толки ведутъ о насъ—ново-крещенныхъ—оставшіеся еще въ заблужденіи іудейскомъ кантонисты еврейскіе. Узнавъ, что заблудшіе товарищи раздѣлились на двѣ партіи: одну—добывавшуюся причины неожиданнаго обращенія моего, а другую—насмѣхавшуюся надъ такимъ поступкомъ моимъ,—я рѣшился сблизиться съ первой, дабы оправдать свой поступокъ въ глазахъ ихъ. Такое намѣреніе мое вскорѣ увѣнчалось не только предположеннымъ успѣхомъ, но еще вразумило 18 человекъ,

которые рѣшились обратиться ко Христу — истинному Мессіи — и принять св. Крещеніе. Мало по малу и всѣ оставшіеся сначала вступили въ споры съ обратившимися, потомъ сближались съ ними, а наконецъ и сами обращались. Такимъ образомъ къ Марту 1845 г. обратилось болѣе 80 человекъ, оставшихся еще не крещенными во время моего обращенія.

По обращеніи всѣхъ моихъ товарищей въ христіанскую вѣру, я опять началъ пользоваться въ средѣ ихъ тѣмъ же авторитетомъ, какимъ я пользовался прежде — до крещенія моего. Первоначальнымъ нашимъ общимъ дѣломъ было обсужденіе того, куда намъ дѣвать наши богомольныя еврейскія вещи? — при чемъ общимъ голосомъ рѣшили: священныя хранилища (Тфилинъ) * и всѣ талмудическія книжки предать огню, а псалтыри еврейскія знающимъ хорошо еврейскій языкъ удержать у себя, для молитвеннаго употребленія, такъ какъ Всевѣдущій Богъ принимаетъ молитвы, на какомъ бы языкѣ они ни произносились; шелковыя покрывала, подсвѣчники и другія вещи, бывшія въ употребленіи при нашемъ молитвенномъ собраніи, отдать въ церковь христіанскую, какъ благодарную жертву Господу Богу — Просвѣтителю душъ нашихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми товарищами было принято единодушно и то мнѣніе мое, что съ нашей стороны слѣдовало бы воздвигнуть какой либо памятникъ, который служилъ бы знакомъ

* Это кожаные четырехугольные ящики, въ коихъ зашиваются писанныя на пергаментѣ слѣдующія мѣста Библии: Исх. 13, 1—10; тамъ-же 11—16. Второз. 6, 4—9; тамъ же 11, 13—21.

благодарности нашей Богу—Спасителю нашему, подобно тому, какъ предки наши воздвигли памятникъ по переходѣ ихъ чрезъ Иорданъ въ землю Обѣтованную. Для этой цѣли всѣ мы согласились жертвовать изъ тѣхъ наградныхъ денегъ, которыя слѣдовало намъ получить изъ казны въ количествѣ 25 руб. ассиг.; нѣкоторые подписали все это количество, а иные—только половину. Начальство нашего заведенія, услышавши о такомъ поступкѣ новокрещенныхъ евреевъ, составило отъ себя подписку на тотъ же предметъ; а при живѣйшемъ участіи баталіоннаго командира, полковника Софронова, желаніе наше было въ скорости приведено въ исполненіе. Мы рѣшились употребить собранныя деньги на сооруженіе иконы Святителя Христова Николая, въ большомъ кіотѣ, съ приличною надписью. Эта икона съ военною церемоніею и крестнымъ ходомъ перенесена была 9 Маія 1845 года въ Николаевскій Соборъ, гдѣ она и до этихъ поръ находится и свидѣтельствуетъ о неизреченной милости, которую Господь явилъ въ этомъ св. храмѣ просвѣщеніемъ многихъ чадъ заблудшаго израиля свѣтомъ Вѣры Христовой.

Мое участіе въ дѣлѣ обращенія товарищей моихъ не могло долго оставаться втайнѣ: нашъ бригадный командиръ, при полученіи свѣдѣнія обо мнѣ, тотчасъ потребовалъ меня къ себѣ, и, послѣ распросовъ о ходѣ обращенія моего и товарищей моихъ, приказалъ мнѣ написать въ особенности то, чѣмъ я убѣждалъ товарищей своихъ къ принятію христіанской Вѣры. Не смотря на то, что я отказывался какъ по малограмотности

такъ и по не умѣю писать по русски, приказаніе начальника я долженъ былъ волею и не волею исполнить. Чувствуя себя совершенно не способнымъ передавать что либо на русскомъ языкѣ, я по этому избралъ себѣ въ сотрудники одного изъ способнѣйшихъ новокрещенныхъ кантонистовъ, который еврейскій складъ мыслей моихъ свободно и хорошо могъ перелагать на русскій языкъ; и такимъ образомъ чрезъ нѣсколько дней заказанное начальникомъ сочиненіе, заключающее въ себѣ много Пророческихъ сказаній на священно-еврейскомъ языкѣ и имѣвшее надпись: «письмо къ заблудшимъ евреямъ,» окончено и подано отъ лица моего и вмѣстѣ сотрудника моего *А. Софронова* *, бригадному командиру. Съ этого времени мы получили отъ главнаго начальника названіе Миссіонеровъ.

Между тѣмъ нашему бригадному командиру послѣдовало предписаніе отъ высшаго начальства переѣхать для квартированія въ Казань, гдѣ 2 баталіона кантонистовъ подлежали его же завѣдыванію. При прощаніи онъ поручилъ насъ попеченію баталіоннаго нашего командира полковника Софронова и предварительно распорядился о приѣмѣ новой партіи еврейскихъ кантонистовъ, завѣщавъ мнѣ и товарищу моему *А. Софронову* заботиться о вразумленіи этихъ единоплеменниковъ нашихъ къ принятію ими христіансва. Партія эта, сос-

* Этотъ сотрудникъ мой *А. Софроновъ* со мною вмѣстѣ въ послѣдствіи былъ принятъ въ духовное званіе; но чрезъ 3 года обученія своего въ семинаріи за дурные поступки исключенъ и опять возвращенъ въ первобытное состояніе.

тоявшая изъ 130 человекъ, прибыла въ наше отдѣленіе въ 20-хъ числахъ Маія 1845 года, и мы ежедневно посѣщали заблудшихъ собратій своихъ въ казармахъ, гдѣ они всѣ вмѣстѣ квартировали, вели съ ними цѣлодневныя бесѣды и переговоры на еврейско-разговорномъ языкѣ и читали съ ними священное писаніе по привезеннымъ ими же книгамъ. Такой способъ дѣйствованія нашего увѣнчался весьма скорымъ успѣхомъ: вся партія единогласно по истеченіи одной недѣли объявила намъ желаніе свое обратиться въ христіанство. Объ этомъ немедленно донесено было нами баталіонному командиру, который съ своей стороны, съ отеческою заботливостію, въ краткое время нашелъ для всѣхъ желающихъ креститься воспріемникомъ. Когда же вся партія эта научена была главнымъ молитвамъ христіанскимъ, въ чемъ принимали живое участіе всѣ новокрещенные кантонисты: тогда въ первый день праздника Пятидесятницы вся партія приведена была въ Николаевскій Соборъ для оглашенія; а на другой день изъ того же Собора съ военною церемонією и крестнымъ ходомъ, при полномъ соборѣ тамошняго духовенства, крещающіеся, каждый съ своими воспріемниками, отправились къ нарочито устроенному Іордану на рѣкѣ Волгѣ, гдѣ и приняли св. крещеніе въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ народа.

Вотъ одна свѣтлая черта дѣятельности моей въ христіанствѣ! Но проводя этотъ періодъ жизни въ описанныхъ занятіяхъ, къ которымъ, какъ для всякаго очевидно, я былъ вызванъ разными случаями, я въ тоже время терпѣлъ разныя искушенія, какъ въ религіоз-

номъ и нравственномъ отношеніи, такъ и извнѣ, воздвигнутыя общимъ врагомъ спасенія нашего, съ цѣлю, разумѣется, уловить меня въ свои сѣти. Эти искушенія преслѣдовали меня тогда на каждомъ шагу первоначальной моей христіанской жизни.

Въ то время какъ я, подъ руководствомъ своего крестнаго отца, изучалъ христіанство, занимаясь чтеніемъ Евангелія, твореній Св. Отцевъ церкви и другихъ духовнаго содержанія книгъ, меня преслѣдовали раскольники въ лицѣ хозяевъ моихъ и, по ихъ направленію, расколо-учитель, житель г. Волска, мѣщанинъ В. Цацынъ, который всѣми мѣрами старался привлечь меня въ свой расколъ. * Не могу передать всѣхъ обстоятельствъ многократныхъ случаевъ, приводившихъ меня въ это богопротивное сношеніе съ упомянутымъ расколо-учителемъ, а нужнымъ только считаю замѣтить, что почти при каждомъ разговорѣ его со мною, онъ такъ отзывался о Православной нашей Вѣрѣ: «Церква ваша, говорилъ онъ мнѣ,» есть упоминаемая въ Апокалипсисѣ «блудница съ золотою чашею въ рукахъ; Вавилономъ» называется вашъ Православной міръ; русскій Царь» есть предтеча антихристовъ, духовенство—служители его» и т. под. Можно уже заключить изъ подобныхъ словъ, какое впечатлѣніе, какое дѣйствіе должны были производить на меня, еще несовершенно утвержденного

* Объ убѣждавшемъ меня обратиться въ расколъ расколо-учителѣ В. Цацынѣ даже дѣло заведено было въ томъ году по уѣздному присутственному мѣсту, по поводу разказа моего крестному отцу своему о дѣйствіяхъ на меня онаго Цацына, за что онъ подвергся законному преслѣдованію.

въ христіанствѣ, внушенія этого лжеучителя? Но Господь, *заповѣдавъ Ангеламъ своимъ сохранить человека во всѣхъ путяхъ его*, послалъ и мнѣ такого ангела-хранителя въ лицѣ священника В. Кузнецкаго—крестнаго отца моего, который, какъ только узналъ о случившемся со мною, то всѣми мѣрами старался поддерживать мой умъ и сердце отъ соблазна и искушеній. И я, по наставленіямъ его, впередъ избѣгалъ всякой встрѣчи съ раскольниками, коими наполнена была большая часть г. Волска.

Не менѣе искушеній постигло меня и на пути нравственной жизни моей. Въ этомъ именно отношеніи я могу сказать словами апостола Павла: *еще хвалитися ли подобаетъ, о немощи моей похвалюся*, (2 Кор. 11, 30). Со времени распространенія молвы о подвигѣ моемъ въ дѣлѣ обращенія моихъ сотоварищей, мнѣ старались оказывать знаки вниманія и уваженія, и особенно тогда, когда покойный Преосвященный Саратовскій Іаковъ, по полученіи отъ Вольскаго Благочиннаго писаннаго экземпляра сочиненія нашего, прислалъ мнѣ и товарищу моему золотыя иконки на андреевской лентѣ, которыя, по приказанію бригаднаго командира нашего, мы должны были носить на шеѣ по верхъ платья, какъ знакъ миссіонерскаго служенія. При такомъ благопріятномъ состояніи моемъ, я началъ было уже забываться; въ душѣ моей начали уже тогда бушевать разныя гнустныя страсти: кичливость, высокоуміе, надменность, славолюбіе, сладострастіе и другіе пороки уже начали вить себѣ гнѣздо въ сердцѣ моемъ, и я, казалось тогда, сдѣлался бы неминуемою жертвою по-

гибели, если бы десница Господня не исхитила меня отъ этой ужасной участи. Однажды въ какой то великій праздникъ (кажется Благовѣщенія, потому что это было во время Великаго поста), я стоялъ въ св. храмѣ на всенощномъ служеніи и услаждался тихимъ и стройнымъ пѣніемъ церковнымъ; какъ вдругъ является во мнѣ такая мысль: «какъ хорошо было бы мнѣ, если бы я могъ быть хоть дьячкомъ, для того, чтобы и я могъ знать, что поется во всякое время въ церкви.» При подобной мысли умъ мой какъ-то незаметно занесся далеко—далеко въ разные мечтательныя представленія, и въ такомъ самозабвеніи я находился до того времени, пока тихимъ и унылымъ голосомъ не запѣли: *отъ юности моя мнози борють мя страсти.....* Это пѣніе, возбудивши меня отъ мечтаній, до того тронуло мое сердце, что я, вспомнивши—сколько страстей булуютъ мою душу!—повергся ницъ лицомъ и со слезами умиленія снова произносилъ слова: *отъ юности моя мнози борють мя страсти; но Самъ мя заступи и спаси Спасе мой!!* Послѣ описаннаго случая я по выходѣ изъ церкви возымѣлъ твердую рѣшимость наблюдать за собою при каждомъ поступкѣ,—что казалось мнѣ съ виду легкимъ, но на опытѣ я вскорѣ дозналъ, что это очень—очень трудно выполнить. Ахъ, еще тогда я испыталъ на себѣ непровержимость словъ Апостола Павла: *не еже бо хошу доброе, творю; но еже не хошу злое, сіе содѣваю* (Римл. 7, 19.)!

Будучи такимъ образомъ подверженъ искушеніямъ со стороны внутренней, я вскорѣ долженъ былъ выдер-

жать искушеніе со стороны окружающих меня, чему вмѣстѣ со мною подвергся и товарищ мой А. С. сотрудник мой по вышесказанному сочиненію. Надобно замѣтить, что какъ сначала, вскорѣ послѣ крещенія моихъ прежнихъ сотоварищей, насъ полюбили и уважали всѣ,—и начальствующіе лица и нижніе чины, и сами новокрещенные—такъ въ послѣдствіе времени многіе начали ненавидѣть насъ и причинять намъ всякія напасти. И нужно ли объяснять, что причиною такой перемѣны нашего состоянія было то, что главные начальники нашего отдѣленія оказывали мнѣ и товарищу моему такіе знаки благорасположенія, которые въ другихъ возбуждали зависть къ намъ? Съ отбытіемъ изъ нашего города бригаднаго командира, по переездѣ его въ Казань, обращеніе съ нами офицеровъ и учителей, до того времени ласковое и почтительное, сдѣлалось вдругъ грубымъ, придирчивымъ, что разумѣется для насъ было тягостно и невиносимо. Даже и при радостномъ торжествѣ, когда совершалось торжественное крещеніе 130 человекъ, и когда виновниками этаго всѣ принавали меня и товарища моего, и тогда ненавистники наши находили случай оскорблять насъ предъ новокрещаемыми. А въ классахъ и въ ротѣ—нечего и говорить: нужно было только замѣтить въ чемъ нибудь малѣйшую нашу неисправность, слѣдовало хоть въ одномъ словѣ ошибиться намъ при выслушаніи урока въ классѣ, тотчасъ же въ томъ и другомъ случаѣ изъ устъ обучавшихъ насъ учителей градомъ сыпались на насъ бранныя слова, а иногда наносили намъ даже и ручные побои,—на что я, а по примѣру моему, и то-

варищъ мой, нисколько не думали жаловаться баталіонному командиру, всегда расположенному къ намъ; а думали все преодолевать терпѣніемъ. Но особенною опасностію грозило намъ слѣдующее обстоятельство, которое кажется уже было послѣднею мѣрою искушенія нашего.

Однажды, вскорѣ послѣ упомянутаго торжественнаго крещенія цѣлой партіи, въ классѣ учитель оказалъ намъ, безъ всякой почти причины, слишкомъ уже не выносимое обращеніе, такъ что товарищъ мой, болѣе меня смѣлый и предприимчивый, вздумалъ было защищаться и просить хоть какого нибудь снисхожденія къ намъ того учителя. Это справедливое требованіе товарища моего было гласно признано учителемъ предъ цѣлымъ классомъ учениковъ за грубость,—за что, разумѣется, онъ уже имѣлъ полное право подвергнуть виновника среди класса наказанію розгами. Претерпѣвшій безвинно такое наказаніе, товарищъ мой тотчасъ послѣ класовъ принесъ личную жалобу баталіонному командиру, который былъ ему и крестнымъ отцемъ. Когда же баталіонный командиръ, въ защиту обиженнаго, арестовалъ обидчика учителя и посадилъ его на гауптвахту, то за это возстали всѣ офицера и учителя нашего отдѣленія, требуя нарядить особую комиссію для разбирательства, по ихъ мнѣнію, самоуправнаго распоряженія баталіоннаго командира.—

Командиръ, встревоженный всеобщимъ возстаніемъ, вынужденъ былъ исполнить ихъ требованіе. Еще комиссія не успѣла приступить даже къ разсмотрѣнію порученнаго ей дѣла, а враги наши уже грозили подсуд-

ностію и острогомъ товаришу моему, а съ нимъ и мнѣ, какъ участнику будто бы въ его дерзкомъ поступкѣ. Ахъ, ужасное томленіе охватило меня тогда, не смотря на то, что я сознавалъ себя совершенно невиннымъ! Куда дѣлась тогда моя вѣра, мое упованіе на Божій Промыслъ? Меня что-то пугало и возбуждало въ умѣ моемъ такую богопротивную мысль: «Не есть «ли это кара Божія за то, что я нарушилъ клятву,» «данную мною еврейскому учителю своему и роднымъ своимъ—не измѣнять вѣрѣ отцевъ своихъ?!» Увы,—вотъ какою сѣтію малодушія и отчаянія успѣлъ опутать меня врагъ нашего спасенія, который, подобно рыкающему льву, изыскивалъ всѣ возможные случаи уловить меня въ свои сѣти. Но Господь, по всеблагому смотрѣнію Своему, недопускающій искустись человѣку сверхъ силъ своихъ, поспѣшилъ исхитить душу мою изъ рукъ сопротивныхъ. Въ тотъ самый день когда упомянутая коммисія открывала было засѣданіе для начатія своего дѣла, получается Высочайшій указъ объ увольненіи меня и товарища моего изъ военного сословія въ духовное званіе, съ вознагражденіемъ насъ обоихъ по 50 руб. сер. *.

Иной сочтетъ, конечно, описываемое событіе случайностію или обыкновеннымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Но око вѣрующаго ясно увидитъ въ этомъ дивное дѣйствіе божественнаго Провидѣнія, явленное въ одно и тоже время для утѣшенія и подкрѣпленія упавшаго духа невинныхъ страдальцевъ и для обличенія оби-

* Какими путями устроилась такая перемѣна состоянія нашего, объ этомъ сообщу въ слѣдующей статьѣ.

дящихъ,—что впрочемъ успѣлъ высказать тогда же въ присутствіи комисіи баталіонный нашъ командиръ полковникъ И. Н. Софоновъ. О, воистину сбылось тогда надъ нами утѣшительное общаніе Св. Апостола, что Господь, *Иже Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи*, (Евр. 2, 18)!

И въ самомъ дѣлѣ, каково же должно было быть для насъ утѣшеніе, когда въ тотъ самый день я и товарищъ мой оба стояли въ классѣ на колѣнахъ за ошибочное изученіе уроковъ, при чемъ еще инспекторъ классовъ приговаривалъ намъ разныя угрозы и прещенія; и вотъ, въ добавокъ нашей скорби, является къ намъ въ классъ ординарецъ съ требованіемъ насъ въ баталіонную канцелярію. Сердце наше содрогнулось отъ страха и трепета при этомъ требованіи; намъ представилось, что мы, какъ преступники, идемъ къ мѣсту выслушанія страшнаго приговора надъ нами комисіи: но вмѣсто того, едва только мы вошли въ канцелярію, какъ тотчасъ Полковникъ и всѣ находившіеся тамъ офицеры и учителя встаютъ предъ нами и почтительно кланяются намъ; а правитель канцеляріи начинаетъ громогласно читать Высочайшій указъ о всемилостивѣйшемъ благоволеніи къ намъ Монарха, а потомъ распоряженіе Военнаго Министра. Вслѣдъ за тѣмъ каждый порознь подавалъ намъ руку и поздравлялъ насъ съ Монаршею милостію, причемъ я и товарищъ мой отъ чрезмѣрной радости заплакали,—чѣмъ растроганы были многіе изъ присутствовавшихъ; словомъ: слезы благодарности къ Богу, посѣтившему насъ малою печалію и премудро перемѣнившему печаль на-

шу въ радость, кончились тѣмъ, что мы успѣшили тотчасъ же въ Николаевскій Соборъ излить благодарныя чувства свои предъ Престоломъ Всемилостиваго Щедродателя и небеснаго Утѣшителя.

Воспоминая теперь критическія минуты первоначальныхъ дней моихъ въ христіанствѣ, я невольно взываю ко Господу: *Помянухъ дни древнія, поучахся во всѣхъ дѣльхъ Твоихъ.* (Псал. 142, 5.—)

Свящ. Н. Кузнецкій.
